

Шшш —

Палец прокушен до крови.

Вкус крови растекался по губам и зубам, и Хань Хуаню пришлось остановиться. Он провёл языком по царапине на губе, зализывая кровь, и присел на корточки.

Когда-то он считал, что чувство нежности к взрослому мужчине — нонсенс. Но встреча с Гу Цзином перечеркнула все его прежние убеждения.

...

Закончив с умыванием, Гу Цзин провалился в глубокий сон.

Хань Хуань полулёг рядом, всматриваясь в черты его лица. Время почти не оставило на нём следов. Он вдруг вспомнил другое такое же жаркое лето много лет назад — и Гу Цзина, совсем ещё юного.

Тогда он ещё не был вторым господином Гу. Его черты, более мягкие, чем в зрелости, сочетали женственную грацию и задорную мальчишескую отвагу — редкостная красота, достойная зависти.

В молодости Гу Цзин смеялся часто. Смеётся и сейчас. Но улыбка, которую Хань Хуань видел на его лице теперь, напоминала мраморную маску: нежная, но отстранённая, безупречная до последнего штриха.

Второй господин Гу, привыкший к вершинам власти, всё-таки отличался от того мальчишки по имени Гу Цзин.

Завибрировал телефон. Хань Хуань спустился с кровати, двигаясь бесшумно, чтобы не разбудить спящего рядом.

Гу Цзин, погружённый в сон, даже не подозревал, что этот звонок погрузит его в годы боли и невыносимой тоски.

*

Когда Хань Хуань вернулся с балкона, Гу Цзин только начал просыпаться. Не успев прийти в себя, он оказался в объятиях мужчины. Тот долго стоял на балконе, и его кожа источала холод. Гу Цзин почувствовал, как этот холод проникает в самую душу сквозь обнажённую кожу. Он оттолкнул мужчину, вглядываясь в его лицо.

Хань Хуань смотрел на него в ответ бесстрастно, но в глубине глаз плескалась такая буря эмоций, что Гу Цзин не сразу смог распознать главную. Пришлось спросить:

— А Хуань, что случилось?

Повисла пауза. Затем, под этим полным заботы взглядом, Хань Хуань тихо выдохнул три слова:

— Давай расстанемся.

Лицо Гу Цзина мгновенно побледнело, хотя голос звучал ровно:

— Ты узнал о том деле?

Хань Хуань не ответил. Он смотрел на Гу Цзина с нарастающей тоской, чувствуя, как сердце сжимается от горечи. Он хотел коснуться его красивого лица, но правая рука одеревенела и не слушалась.

— Ты хочешь разорвать отношения из-за этого?

Снова молчание.

За столько лет Хань Хуань ни разу не слышал от Гу Цзина такого ледяного, но сдержанного допроса. Боль в глазах мужчины, которую тот не мог скрыть, ранила его до глубины души. Он хотел закрыть ладонью этот страдальческий взгляд.

Он попробовал пошевелить другой рукой, которую мужчина всё это время сжимал. К его удивлению, она двигалась свободно. Он попытался выдернуть её:

— А Хуань, ты хочешь уйти? Уйти от меня?

Он хотел сказать «нет», но боль в запястье сковала слова. Руку сжимала мёртвая хватка Гу Цзина. Чем сильнее Хань Хуань пытался вырваться, тем крепче становилась хватка, до хруста в костях.

— Ты хочешь уйти из-за какой-то посторонней женщины и твоей напыщенной справедливости?

Нет. Всё не так.

Хань Хуань хотел возразить, но Гу Цзин резко притянул его к себе и поцеловал. На миг оторвавшись, чтобы перевести дух, он услышал голос мужчины — каждое слово врезалось в сознание:

— Да, я изменился за эти годы. Ради семьи Гу я убивал, я довёл родного отца до больницы, я просчитывал каждого вокруг. Но я... я... А Хуань, поверь мне, я никогда не просчитывал наши чувства...

Никогда... В глазах Хань Хуаня всё поплыло, мысли опустели, мелькнула белая вспышка.

Эти слова... этот жест... этот человек...

Он вспомнил. Всё это было на самом деле. Это память двухлетней давности.

Когда они разомкнули объятия, комната закружилась перед глазами. Он сел на край кровати, прислонившись к не самым широким плечам, переводя дыхание, и сознание постепенно прояснилось.

Он не стал смотреть на лицо Гу Цзина. Вместо этого он взял мужчину за руку, рывком перекинул ногу и уселся верхом на его бёдра, впиваясь в губы долгим поцелуем.

— Гу Цзин, я верю тебе.

Пора просыпаться.

*

Нью-Йорк, три часа ночи.

Хань Хуань проснулся от сна.

Он похлопал себя по ноющей голове и наконец откопал в дальнем, пыльном углу памяти воспоминания двухлетней давности.

Каким бы реальным ни был сон, он — лишь иллюзия. На самом деле два года назад они с Гу Цзином уже расстались.

— А Хуань, поверь мне, я никогда не просчитывал наши чувства... Что же он ответил тогда?

Наверное, только в таком сладком, мучительном сне он мог произнести те заветные слова: «Я верю тебе».

Сколько раз ему снилось это? Сотня? Или не меньше восьмидесяти.

Вдруг засветился экран телефона на тумбочке.

Началось.

Хань Хуань, обнажённый по пояс, подошёл к зеркалу и медленно, предмет за предметом, начал одеваться. Его тело было мощным, мышцы живота рельефно выделялись, «рыбки» уходили вниз, под резинку трусов, а длинные ноги стояли прямо.

Он взял узкий кейс со стола и широкими шагами вышел вон. Высокая чёрная фигура быстро растворилась в темноте.

<http://bllate.org/book/18679/1804958>